

ПРИЧИНЫ ЗАИМСТВОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВ В РУССКИЕ ОСТРОВНЫЕ ГОВОРЫ ЮГА УКРАИНЫ

На территории юга Украины, в Одесской области, более двухсот лет русские островные говоры существуют в отрыве от материнского языкового и диалектного массива в условиях живых контактов с различными соседними языками и говорами этого полиязычного региона. Долговременное функционирование в изоляции от материкового русского массива, активное контактирование с иноязычными соседями способствовало проникновению в словарный состав русских островных говоров заимствований из украинского, болгарского, молдавского, румынского и немецкого языков. Анализ заимствований показывает, что чаще всего они проникали в русские говоры вместе с новыми предметами, понятиями, ранее неизвестными русским переселенцам.

Заимствования вместе с новой вещью, новым явлением, понятием часто называют «культурными» (Ж. Вандриес, А. И. Соболевский, И. И. Огиенко). Такого рода заимствования «особенно легко переходят из языка в язык вместе с предметами, ими обозначаемыми; предмет несет их вместе с собой, иногда увлекает их очень далеко (слова следуют за вещами)» [7:212]. К заимствованиям такого рода в русских говорах Одесщины относятся слова, обозначающие различные этнокультурные реалии, связанные со спецификой местных природных условий, сельского хозяйства, быта носителей соседних языков и диалектов. К разряду наиболее заимствуемых относятся наименования одежды, пищи, продуктов питания, растений, животных и т. д., всего того, что характеризует культуру в широком смысле носителей языка (диалекта)-источника. Большую часть этих слов составляют украинизмы: 1) названия разнообразных украинских блюд: *галушки, кулиш, вареницы, пампушки, капуста* и др.; 2) наименования одежды, обуви, женских украшений, характерных для Украины: *монисты, хустка, черевики, чеботы* и др.; 3) названия строительных материалов, утвари, домашнего инвентаря: *пац, цегла, драница, гонт, перерезка* и др.; 4) наименования украинских народных танцев, игр, музыкальных инструментов: *гопак, козачок, шкандыбки* (детская игра), *вечерницы, бандура* и др.; 5) названия растений, деревьев: *рыпак, шелковица, гарбуз, цыбуля* и др.

Из соседних болгарских диалектов вместе с заимствованием ранее неизвестных русским предметов в исследуемые русские говоры вошли следующие лексемы: *манджя* густой постный соус из баклажанов, помидоров, перца и лука [14:1169, 6:392, 15:289, 23:97, 30:377], *магарь* осел

[14:1154, 6:386, 4:304, 23:96, 30:373], *дулап* приспособление в виде большого колеса с сосудами из жести для полива огородов [9, 1:328; 6:151; 15, 1:154; 23:78], *лампач* сырцовый кирпич из глины и соломы [23:94]¹ и др.

Из молдавского языка русские переселенцы заимствовали слова, обозначающие предметы и явления, характерные для быта молдаван: *бонда* душегрейка [20:87], *вертута* рулет из теста с брынзой, вареньем или виноградом [20:741], *мамалыга* блюдо из кукурузной муки [20:403], *плачинда* пирог с начинкой из творога, тыквы, фруктов [20:472], *брынза* овечий сыр [19:93], *кашкавал* сорт сыра, слабо соленая, мало прессованная брынза [19:282], *тяг* сывороточная закваска из желудочка молодого ягненка [20:342], *таракуца* декоративная тыквочка [20:664], *тяс* пресс для отжима винограда [20:665] и др. Все эти слова встречаются в этнографических работах А. Скальковского, А. Защука, А. Шмида, Л. С. Берга и др., описывающих быт молдаван Бессарабии.

Вместе с неизвестными ранее русским переселенцам кулинарными изделиями у немецких колонистов были заимствованы слова *куха* кулич из сдобного теста, ср. нем. *Kuchen* [33:352], *штрудли* слоеный пирог с яблоками, вареньем или другой начинкой, ср. нем. *Strudel* [32:605].

В словарный состав исследуемых говоров вошло также немало заимствований, дифференцирующих некоторые общие понятия, известные русским еще до переселения. С целью детализации, дифференциации понятий, связанных с различными сторонами быта и производственной деятельности русских переселенцев, из украинского языка и его говоров заимствованы слова: *гуч* конь в возрасте двух лет, *первосточка* впервые отелившаяся корова, *лошица* молодая кобыла, которая еще не жеребилась, *огудина* огуречные стебли, *квиты* восковые или бумажные цветы, *рушник* вышитое полотенце, *карпетки* вязаные носки (укр. *шкарпетки*), *шлях* столбовая дорога, *цебарка* железное ведро (укр. *цеберка*) и др. Из болгарских говоров с той же целью заимствованы слова: *градина* большой колхозный огород за селом (огородный участок при доме называется *город*), *газман* холощенный баран, *каба* крупный салатный лук и др., из молдавского языка: *вакарь* пастух, пасущий коров (ср. молд. *вэкар*

¹ О болгарских элементах в русских говорах Одесщины см. подр.: Л. Ф. Баранник. Некоторые особенности русско-болгарского междиалектного взаимодействия на лексическом уровне (на материале русских переселенческих говоров Одесщины) // Слов'янський збірник. — Одеса, 1996. — Вип. I. — С. 5-10; Л. Баранник. Някои особености на българо-руските междудиалектни контакти на територията на Одеска област в Украина // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. — Велико Търново, 1997. — Т. 6. — С. 413-427; И. А. Стоянов Болгарские элементы в русских говорах Одесской области // Русские говоры на Украине. — К., 1982. — С. 99-115.

[20:127], *чабан* пастух, пасущий овец, *неляпка* корова, отелившаяся до трех лет (ср. молд. *неляпкэ* [20:412], *барыжик* четырехугольный цветной головной платок из тонкой шерсти (ср. молд. *бариш* [20:74] и др., из румынского — наименования различных пород овец: *цыгая*, *цыгайка* порода овец с мягкой шерстью (ср. рум. *piгаie* тонкорунная, *цигейская* (о шерсти) [25:874], *парная*, *парнайка* порода овец с грубой шерстью (ср. рум. *porneall* [25:658]). С помощью заимствованных слов в русских островных говорах Одесщины детализированы не только наименования одежды, обуви, растений, животных, но и названия различных видов повозок. С этой целью русские заимствовали из украинского языка слово *гарба* (*гарбар*), *бедка* (укр. *бідка*), *бестарка*, из молдавского — *тарабан*, (ср. молд. *тэрэбоанцэ* [20:664]), из немецкого *бендюг* [24:25], *фура* длинная телега для клади (ср. нем. *Fuhre* воз, повозка).

Отдельные иноязычные слова заимствованы русскими потому, что служат наименованиями понятий, которые в русском языке и его говорах выражаются только при помощи словосочетаний, «посредством фразы, посредством целой словарной характеристики» [8:152]. Тенденция к замене иноязычными словами своих словосочетаний наблюдается всегда, когда между заимствованием и словосочетанием существует семантическое тождество. Причина этого кроется в одном из законов развития лексики.

И. В. Исаченко по этому поводу пишет: «в лексике каждого языка постоянно протекают процессы, обусловленные необходимостью устранить внутренние противоречия между расчлененностью формы и единством, монолитностью обозначаемого предмета мысли... утрата формальной и семантической расчлененности именованья является одним из законов развития лексики вообще» [17:339]. В результате заимствования описательный оборот заменяется одночленным иноязычным наименованием. К такого рода заимствованиям в русских островных говорах Одесщины относятся следующие: *кисляк* кислое молоко (ср. укр. *кисляк*), *алея* подсолнечное масло, ср. укр. *олія* [10, III:52], *смалец* топленое сало, ср. укр. *смалець* [10, IV:155], *ложник* домотканое одеяло из овечьей шерсти, ср. укр. *ліжник* [10, II:368], *ляска* камышовая изгородь, ср. укр. *ляса* [10, II:393], *чиклеж* кукурузный стебель, ср. молд. *чоклеж* [20:723], *чамур* раствор из глины, соломы и навоза, используемый в качестве строительного материала, ср. молд. *чамур* [20:714] и др.

Перечисленные выше заимствования представляют собой предметные наименования. Как указывает А. Доза, «иностранные языки чаще вводят имена вещей, чем понятий, и предлагают уже готовое название предмета... » [13:127]. В русских островных говорах, однако, нередки и непредметные заимствования. К непредметным однословным заимство-

ваниям, заменяющим русские описательные обороты, относятся, например, украинизмы *бравый* обладающий положительными качествами, свойствами: У них у кирнички *бравая* вада. *Бравая* шалька. *Бравая* мяса. (ср. укр. *бравий*), *парубкувать* вести холостую жизнь, быть неженатым: *Парупкували* мы с ним долга, патом пасватался я да Прасковьи, ср. укр. *парубкувати* [10, III:98], *шматовать* раздирать на куски, разделять на части: Тряпки *у́еть* шматуют: ср. укр. *шматувати* [10, IV:506].

Вследствие длительного влияния одного языка или диалекта на другой слово может быть воспринято из внешнего источника без прямой необходимости в появлении нового наименования, а как второе обозначение уже получившего в языке или диалекте словесное выражение явления или предмета. Это неоднократно отмечалось в работах многих русских, украинских и зарубежных ученых: И. А. Соболевского, Л. П. Якубинского, А. М. Селищева, Ж. Вандриеса, И. А. Осовецкого, Тамары Лёнгрен, П. Е. Гриценко и др. Так, А. М. Селищев в своем исследовании «Славянское население в Албании» все славянские заимствования в албанском языке делит на два разряда: 1) заимствования, «связанные с предметными новшествами» и 2) «не связанные с предметными новшествами». К первым А. М. Селищев относит существительные с предметным значением, ко вторым – непредметные слова, экспрессивные глаголы, прилагательные, а также названия некоторых явлений природы, отрезков времени и др. (Селищев А. М., 1931).

В русских островных говорах Одесщины широко представлены как заимствования, связанные с предметными новшествами, так и заимствования, «не связанные с предметными новшествами». В основном, заимствование иноязычных слов, не связанных с предметными новшествами, обусловлено большей их экспрессивностью в сравнении с русскими эквивалентами. Такие заимствования, как украинизмы *ганьба*, *дзыга*, *высмоктать*, *запроторить*, *катовать*, *охлять*, *путрить*, молдаванизмы *гата*, *мамалыга*, воспринимаются носителями исследуемых говоров как слова с яркой эмоционально-экспрессивной окраской по сравнению с их русскими семантическими соответствиями: *позор*, *непоседа*, *высосать*, *потерять*, *бить*, *похудеть*, *ругать*, *готово*, *размазня*.

Наряду с полнозначными экспрессивами русские восприняли из соседних языков некоторые междометия и междометные слова. Это вполне закономерно, ибо, как указывает Л. А. Булаховский, «при соприкосновении одного народа с другим исторически слагаются отношения перенимания не только в сфере культуры в положительном смысле слова: привлекать к себе, усваиваясь в том или ином виде, может и просто аффективное... » [5:39]. Из украинского языка русские заимствовали междометия *гайда* айда! пошел! давай! марш! ну! (в качестве приглашения)

[10, 1:267], *геть!* вон! прочь! долой! [10, 1:280]. Лексема *геть* употребляется также как усилительная частица в значении совершенно, решительно, очень (*геть разарвались рубашки. Яму эту отраву геть ни давай. Фуртуна геть таво дитя завеила*), ср. укр. *геть* в том же значении [10, 1:280]. Интересными заимствованиями из молдавского языка являются междометные слова *мэй*, *брэй*, употребляющиеся вместо имени в качестве экспрессивного обращения к близкому лицу, ср. молд. *бре!* ну ты! эй! [20:91], *мэй!* “эй! эй ты!” [20:402]. Широко распространены эти молдаванизмы и в соседних украинских говорах. Большинство эмоционально окрашенных слов и аффективных междометий в русских островных говорах Одесщины заимствовано из близкородственного украинского языка, некоторые — из молдавского. Характерно, что из немецкого и румынского языков не воспринято ни одного аффективно окрашенного слова. Это свидетельствует о том, что заимствование эмоционально окрашенных слов, междометий, подзывных лексем возможно только в результате длительных, тесных контактов между носителями взаимодействующих языков или говоров.

При длительных контактах одного народа с другим возможно также заимствование стилистически нейтральных слов, не обозначающих новых понятий. Как правило, это слова, несколько отличающиеся по своей семантике, по своим дифференциальным семам от соответствующих им исконных. Таковы, например, в русских говорах Одесщины украинизмы *натрапить* случайно найти что-нибудь, встретить: *Натрапил* на эту траву хтось з дидоф, ср. укр. *натрапити* [10, 11:528] и русск. *найти*, *встретить*; *скубать* щипать перья, рвать шерсть, дергать за волосы: *Скубать* курицу треба. *Скубали* вовну, ср. укр. *скубати* [10, IV: 146] и русск. *драть*; *рятовать* спасать кого-либо: *Дитя рятавали*. *Миня рятавали*, ср. укр. *рятувати* [10, IV:94] и русск. *спасать*. Все эти украинизмы отличаются от соответствующих им русских параллелей более узкой, конкретизированной семантикой. При сопоставлении значений русских и соответствующих им украинских слов в данном случае полного семантического тождества не наблюдается.

Заимствование иноязычных слов непредметного значения происходит нередко при их столкновении с отягощенными многими значениями исконными лексемами. При этом наблюдается, во-первых, частичное разрушение полисемии, во-вторых, обогащение, развитие синонимии, в-третьих, образование новых антонимических пар. К таким заимствованиям в русских говорах Одесщины относятся, например, украинизмы *заможный*, *швыдкий*, *балакать* и др. Так, слово *заможный* употребляется русскими переселенцами лишь в значении “богатый человек”. Упрочению в русских говорах украинизма *заможный*, несомненно, способство-

вала отягощенность значениями соответствующего ему русского полисеманта богатый. В результате вхождения в лексическую систему русских говоров украинизма *заможный* в ней произошли изменения парадигматического характера: сужение семантического объема многозначного русского *богатый* (в значении “богатый человек” исконное *богатый* в русских переселенческих говорах употребляется очень редко), обогащение синонимического ряда с доминантой, возникновение новой антонимической пары *заможный* — *бедный*. Подобные изменения в парадигматических отношениях происходят при столкновении украинизма *швидкий* с русским соответствием *быстрый*, *балакать* с русским синонимом *говорить* и т. п.

При этом в говорах наблюдаются изменения в исходном значении как русского, так и украинского синонимов. Это вполне закономерно, ибо, как отмечает И. Г. Добродомов, «... в случае вхождения живого слова в качестве синонима к уже существующим словам между этими синонимами происходит разграничение значений и наблюдается сдвиг в исходной семантике» [12:159].

Согласно Л. П. Крысину [18], причины заимствования можно разделить на внешние и внутренние. Внешние причины заимствования иноязычных слов в русских островных говорах, функционирующих в полиязычном окружении, — это наличие живых тесных контактов, экономических, бытовых, культурных, между народами, носителями языков и диалектов. Типичной формой внешнего влияния является заимствование названия вместе с заимствованием новой реалии, вещи, понятия. К внутренним причинам заимствования иноязычных слов в русских островных говорах правомерно отнести необходимость детализации соответствующих понятий, дифференциации, уточнения некоторых смысловых оттенков, возможность замены составных наименований однословными, большую выразительность, экспрессивность заимствованного слова по сравнению с исконным соответствием, а также тенденцию к разрушению полисемии исконного слова, упрощению его смысловой структуры.

Наиболее действенной внутренней причиной заимствования иноязычных слов в говорах является стремление к детализации, дифференциации жизненно важных для носителей говоров понятий, ибо тенденция к детализации наименований — характерная особенность всякой диалектной лексической системы вообще. В исследуемых русских островных говорах, длительное время функционирующих в условиях живых контактов с различными соседними языками уникального полиязычного этнокультурного южноукраинского региона, эта внутренняя причина заимствований проявляется ярче, чем в говорах основного русского диа-

лектного массива; ее действием объясняются многочисленные и разнообразные лексические заимствования в русских говорах Одесщины из соседних языков и диалектов как близкого, так и отдаленного родства.

1. **Баранник Л. Ф.** Некоторые особенности русско-болгарского междиалектного взаимодействия на лексическом уровне (на материале русских переселенческих говоров Одесщины) // Слов'янський збірник. — Одеса, 1996. — Вип. 1.

2. **Баранник Л.** Някои особености на българо-руските междудиалектни контакти на територията на Одеска област в Украйна// Българите в Северного Причерноморие. Изследвания и материали. — Велико Търново, 1997. — Т. 6.

3. **Берг Л. С.** Население Бессарабии. Этнографический состав и численность// Труды комиссии по изучению племенного состава населения России, в. 6. — Пг., 1923.

4. **Бернштейн С. Б.** Болгарско-русский словарь. — М., 1966.

5. **Булаховский Л. А.** К истории взаимоотношений славянских языков// Известия АН СССР, ОЛЯ-1951. — Т. X. — Вып. 1

6. **Български** тълковен речник. — София, 1963.

7. **Вандриес Ж.** Язык. — М., 1937.

8. **Виноградов В. В.** Очерки по истории русского литературного языка XVII — XIX вв. — М., 1938.

9. **Геров Н.** Рѣчник на българский языкъ с тълкувание рѣчи-ты на български и на руски. — Пловдив, 1895-1899. — Ч. 1-3.

10. **Гринченко Б.** Словарь украинского языка. — К, 1907-1909. — Т. 1-4.

11. **Гриценко П. Ю.** Ареальне варіювання лексики. — К., 1990.

12. **Добродомов И. Г.** Заимствование//Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990.

13. **Доза Г.** История французского языка. — М., 1956.

14. **Дювернуа А.** Словарь болгарского языка. По памятникам народной словесности и произведениям новейшей печати. — М., 1885.

15. **Етимологически** и правописенъ речник на българския книжовен език. — София, 1941.

16. **Зашук А.** Материалы для географии и статистики, собранные офицерами Генерального штаба. Бессарабская область. — СПб., 1862.

17. **Исаченко А. В.** К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских языков // Slavia. — 1958. — S. 3.

18. **Крысин Л. П.** Иноязычные слова в современном русском языке. — М., 1968.

19. **Лённгрен Тамара.** Лексика русских старообрядческих говоров (на материале, собранном в Латгалии и Житомирщине). — Uppsala, 1994.

20. **Молдавско-русский** словарь. — М., 1961.

21. **Огиенко И. И.** Иноземные элементы в русском языке. — К., 1915.

22. **Оссовецкий И. А.** Лексика русских народных говоров. — М., 1982.

23. **Полтораднева-Зеленина Э. И.** Словарь говора болгарского села Суворово Одесской области УССР // Статьи и материалы по болгарской диалектологии. — М., 1954. — Вып. 5.

24. **Преображенский А. Г.** Этимологический словарь русского языка. — М., 1958. — Т. 1-2.
25. **Румынско-русский словарь.** — М., 1953.
26. **Селищев А. М.** Славянское население в Албании. — София, 1931.
27. **Скальковский А.** Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. — Одесса, 1848.
28. **Соболевский И. А.** Русские заимствованные слова. Литография. — СПб., 1891.
29. **Стоянов И. А.** Болгарские элементы в русских говорах Одесской области// Русские говоры на Украине, — К., 1982.
30. **Чукалов С.** Българско-руски речник. — София, 1957.
31. **Шмидт А. А.** Материалы для географии и статистики, собранные офицерами Генерального штаба. Херсонская губерния. — СПб., 1863.
32. **Якубинский Л. П.** Несколько замечаний о словарном заимствовании // Язык и литература. — Л., 1926. — Т. I. — Вып. 1-2.
33. **Paul Hermann** Deutsches Wörterbuch. — Halle (Salle), 1961.

О. І. Бондар

ДЕГРАДАЦІЯ ЛІНГВОСОЦІУМУ: ОЗНАКИ І ТИПИ

У лінгвістичній екології поруч із центральним поняттям *лінгвосоціум* важливим є поняття *деградація лінгвосоціуму*. Загальне розуміння терміну *деградація* пов'язане з поступовим погіршенням, занепадом, втратою якихось властивостей [9:192]. Процеси деградації, досить добре опрацьовані в біології, на соціальному (і соціолінгвістичному) рівні залишаються мало окресленими, це поняття часто приймається тут а ргіогі і вживається як само собою зрозуміле, а тому вимагає належної експлікації.

Експлікація поняття деградації має бути об'єктноспрямованою, тобто йдеться не про деградацію взагалі, а деградацію чогось. Причому цей об'єкт має бути якомога загальнішим. На нашу думку, таким найзагальнішим об'єктом виступає поняття системи як сукупності взаємопов'язаних однорідних елементів, що становить єдине ціле, а отже, повинно йтися про деградацію системи. Системний підхід дозволяє вичленувати основні ознаки деградації і з'ясувати її типи.

Однією з найважливіших, хоч і недиференційних ознак деградації є зміна, в нашому трактуванні це зміна системи. Оскільки система – це сукупність елементів, то зміна будь-якого елемента системи зумовлює зміну всієї системи. У найзагальнішому поданні зміна є рухом і обов'язково передбачає часову координату як конститутивну ознаку. Атрибут зміни притаманний багатьом поняттям, насамперед, еволюції з її двома